

"МЫ БЕЖАЛИ ИЗ ПЛЕНА, А НАС ОБЪЯВЛЯЛИ ПРЕДАТЕЛЯМИ!"



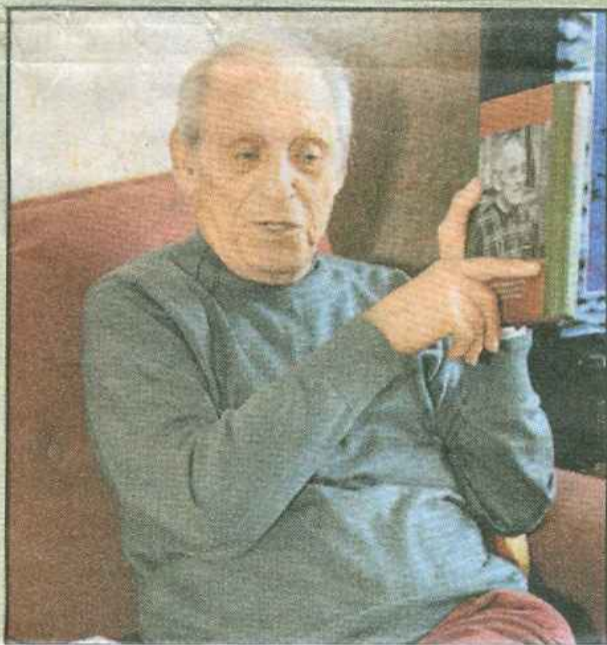
Имя Александра Ревича известно всем, кто имеет хоть малое отношение к литературе. Переводчик, литературовед, поэт. В свои 90 лет он до сих пор в строю - преподает в Литературном институте им. Горького. Александр Михайлович поделился с корреспондентом "МН" тем, о чем долго молчал.

ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА

- В немецкий плен я попал в ноябре 1941-го, под Таганрогом. Зима была ранняя, холода наступили нестерпимые. В ледяной полдень мы оказались в странном лагере: квадратный километр белого поля, обнесенный колючей проволокой. И ни одного строения! Только угловая деревянная вышка с часowymi и пулеметом.

За проволокой толклись на холоде несколько тысяч таких же, как я, прижимались друг к другу, для куража рассказывали скабрзные анекдоты. Из обрывков газеты и ваты, вырванной из дырявых телогреек, скручивали что-то вроде сигарок и втягивали в себя едкий дым. Ждали неизвестно чего. Три дня и три ночи бессонного топтания на снегу закончились невыносимым везением: нам с сослуживцем удалось бежать. В такое невозможно поверить.

А было так. Раз в день на рассвете группу пленных выгоняли на дорожные работы (где-то строили мост). Отбирали несколько сотен доходяг из тех, кто



успевал пробиться в строй, остальных отсекали пулеметной очередью. Люди рвались в колонну - еще бы! На работах крестьянкам разрешали бросать нам хлеб.

После двух неудачных попыток нам удалось пристроиться к рабочей колонне, а при выходе из лагеря, ничего не соображая, я вцепился в рукав товарища, выволок его из строя - и дальше в кусты, росшие вдоль ограды. Потом мы прыгнули в ров и притаились до темноты. А глубокой ночью ушли дальше от лагеря. Странно еще и то, что наш побег на глазах у всей колонны не вызвал никакой реакции. Конвоя поблизости не оказалось, пленные брели отрешенные и оцепеневшие. Потом мы шли по льду Азовского моря, проваливаясь все время в плохой, ненадежный лед. Шли по этому льду от Таганрога 20 километров...

ШТРАФБАТ И ВЕДРО КАШИ

- Как же я был счастлив, когда мы наконец-то дошли! - продолжает Александр Михайлович. - Это был город Каменск, там был штаб Южного фронта. Только радость моя была недолгой. Нас вызвали в особый отдел. Смерш стал расследовать обстоятельства плена. А дальше - допросы, допросы, допросы. И тюрьма. А вскоре - штрафной батальон за то, что был в плену.

С тех пор я очень много думал о Сталине. Много и часто. А почему? Потому что после побега из плена и выхода из окружения (тогда я ощущал это как чудо - таким трудом, таким подвигом оно далось!) я попал в кольцо недоверия. Мне стало понятно - в мои-то двадцать лет! - как пагубно и преступно это сталинское недоверие к тем, кто, не жалея жизни,

возвращался из вражеского тыла. Ведь это были наиболее верные и закаленные войной люди, а их объявляли предателями и отправляли в штрафбаты, где они гибли тысячами! Какими кадрами пожертвовал верховный главнокомандующий! Будь иначе, на два года война раньше бы кончилась.

Вот именно с такими людьми и свела меня судьба в штрафном батальоне. Мало кто знает, что в этих батальонах были только офицеры - лейтенанты, капитаны, майоры, даже полковники. Почему-то считается, что в штрафбаты попадали уголовники. Нет, они были в штрафных ротах. Это совсем другое...

Каких там, на войне, пришлось пови-дать людей? Лихих, героев, неунывающих смельчаков. Расскажу историю. Было это недалеко от Сталинграда. Фронт. Нейтральная полоса 50 метров. И был среди нас такой старшина Машинин, помню, здоровый, красивый, под два метра ростом. Так вот, ночью пошел он за обедом для солдат: нас тогда раз в день кормили, а еду привозили с другого берега Волги. Пища была горячая, в ведрах. За ведрами и пошли несколько солдат со старшиной. Забрали, а на обратной дороге заблудились, попали к немцам. Очухались лишь тогда, когда увидели, что сзади идет стрельба. Трассирующие пули, в спину, ночью. Только тут до них дошло, что находятся они в глубоком немецком тылу, метров на 100 забрели! Что делать? Пошли назад. Идут и вдруг видят: развалина, крупнокалиберный пулемет и расчет - два немца. И что вы думаете? Зашли наши к ним со спины. Те - с пулеметом, а наши - с кашей, которую все ждут. Жрать-то один раз в день давали! Так они одного немца этим ведром с кашей огрели, а другого придушили. И вместо обеда притащили к нашим двух "языков"! Долго потом об этом ходил анекдот.

А штрафбат... Для меня он закончился через месяц, когда я был сильно ранен в бою и искупил "вину" перед Родиной кровью. Попал в госпиталь, чтобы опять выжить и участвовать в обороне Сталинграда.

О ВОЙНЕ И БОГЕ

Смотрю на Александра Михайловича, а в голове крутится строчка из песни: "Ах, война, что ж ты сделала, подлая?" Из кого-то сделала героя, из кого-то - подлеца, а из Ревича - поэта. Как это объяснить? Как вообще из всего этого - из грязи, крови, страха - может рождаться поэзия? У Александра Ревича может.

*В ночь, когда нас бросили в прорыв,
был я ранен, но остался жив,
чтоб сказать хотя бы о немногом.
Я лежал на четырех ветрах,
молодой безбожный вертопрах,
почему-то береженный Богом.*

- Есть во мне чувство, что кто-то меня вел. Вел через всю войну и многократно помог выжить, - улыбается Александр Михайлович. - В смертельно опасных случаях все время что-то меня берегло, чья-то невидимая рука. В ночь перед большим наступлением я предчувствовал, что буду ранен. А когда получил тяжелое ранение, уже теряя сознание, подумал, что не умру. А чем можно объяснить такое: взрывная волна выбрасывает из седла в придорожную посадку - и ни одной царапины, только оглох на несколько дней? Однажды после атаки обнаруживаю: полы шинели пробиты пулями - и ни одна не задела меня. И еще когда бежали из плена. В тот миг мне, комсомольцу, впервые пришла мысль о Боге. И, вы знаете, тогда случилось еще одно чудо. В одном украинском селе бабушка вырезала мне ножницами из консервной банки крестик и надела на шею. "Хоть такой, - сказала, - поноси". С этим крестом я прошел всю войну.

Марина Алексеева